

Мы несёмся через плавающий асфальт к пляжу, швыряем шмотки на ближайший шезлонг и, теряя тапки в раскалённом песке, дожимаем последние двадцать шагов до воды. Кажется, что ступни зашипят, охлаждаясь в воде. И уже мы падаем в тёплое море, в плотное солёное море, в матово-зеленоватое прозрачное море, в моё любимое Средиземное море.

Мы визжим и хрюкаем от счастья; я, кажется, сейчас просто разрыдаюсь, мне не хочется прекращать хрюкать, мне не хочется выходить из моря никогда, никогда.

Этот чёртов ковид начался 31 декабря, ровно на следующий день после того, как я купила путёвки на море. Я долго радовалась тому, какой выбрала отель, как хорошо там будет Андрюшке, как близко море, – и на тебе, песчаный пляж в галечной стране! – пока не наступил март и прежняя жизнь не накрылась одноразовой маской и перчатками.

И уже тысячу раз разуверилась, что мы сможем поехать на море, и настроила тысячу других планов и перечеркнула их, когда в небольшой коридор между Ковидом Весенним и Ковидом Осенним нас выпустили в Турцию.

Визг и счастье... Эти полчаса, а может два, эти первые минуты в море стоили всех тревог и сомнений. И если нужно было бы снова посидеть дома и походить с ума от бегающего по стенам и потолку ребёнка, то да. То я бы согласилась.

К поездке я готовилась так же тщательно, как и безнадежно.

Мы с Андрюшей до дыр зачитали специальную книжку «про самолёт на море». Там герой Андрюша был молодец и хороший мальчик, потому что не убегал от мамы в аэропорту, и не кричал, и не носился по самолёту.

Я перешла детские вожжи-поводок с мягкими браслетами с размера двухгодовалого дитя на здорового шестилетнего коня.

Я прочитала все отзывы про перелёты последних дней в средиземноморское загуборье...

Но все ситуации всё равно невозможно предвидеть.

Мы вышли в ростовском аэропорту, где нам предстояло пройти таможенню и сесть на рейс до Анталии. Так придумали те, кто нас выпустил. Так придумали те, кто строил аэропорт в Ростове на двадцать или тридцать таможенных окон вместо наших омских трёх. Это значило, что очереди на таможенню будут не по шестьдесят семь, а по десять-двенадцать человек.

Но даже десятерых переждать для Андрюши – великий подвиг, несмотря на книжку про героя Андрюшу и несмотря на браслеты-наручники, мешавшие ему убежать далеко от мамы. Андрюша в конце концов лёг на пол аэропорта и воткнулся в смартфон с мультиками.

Этот смартфон перенёс всё. Его загоняли в самолёте, пока Андрюша прыгал на кресле четыре часа полёта под весёлые песенки, которые он не выключал ни на минуту. Смартфон облили соком, обкрошили сушками и уронили на пол примерно семьдесят четыре раза. Он не разрядился и не завис.

Андрюша лежал на полу у таможни, пялясь в мультики и мечтая сорвать браслеты и побегать со скоростью того самого самолёта.

Очередь с интересом смотрела на лежащего на полу Андрюшу и, кажется, немного завидовала.

Наконец, таможня. Я и Андрюша стоим и смотрим: я – на таможенника, Андрюша – вокруг. «Андрей!» – окликает таможенник. Повторяет. Ага, сейчас.

«Андрей, посмотри на зеркало. Видишь дядю», – команду я.

Всё, это максимум. Кто не успел разглядеть ребёнка, тот опоздал. Благо таможенник не заморачивался на тему «А действительно ли это её ребёнок»; ещё секунда –

и мы врываемся в зал ожидания. Отстёгиваю наручники: тут-то никуда не убежишь до самой посадки и можно расслабиться. Андрюша выстреливает, как из рогатки. Несётся по залу, припрыгивая и размахивая руками так, что они вот-вот оторвутся.

Я жду, когда наш папа пройдёт таможеню.

В затаможенном пространстве обнаруживается кафешка, мы садимся в ожидании официанта. Я достаю детское питание, параллельно высчитывая, сколько часов мы не ели. Пять? Шесть? В полёте не кормят из-за ковида, плюс в омском аэропорту час до посадки, плюс такси и последние сборы-одевания... Если б не сушки в самолете (чаем всё же поили), вообще бы двинули кони.

Официанты не подходят – в кафе слишком много людей. Ростов не подготовился к транзитным потокам и не успевает всех накормить. Андрей бегаёт между столиков, машет руками, громко выдыхает гласные и радостно смеётся. Хрясь рукой по столу. Потряс и забыл.

Наконец менеджер принимает заказ: стакан тёплого молока и два нормальных завтрака. Я развожу Андрюше детскую кашу, ловлю его и усаживаю себе на колени, кормлю с ложки. Ням. Ням. Вкусно. Андрюша молодец, кушает хорошо, проголодался, всю кашу съел. Будешь сок? Но Андрюша уже убежал.

– Где Андрей? – грозно спрашивает наш папа. Он ходил мыть руки и где-то застрял. Спорим о том, надо ли ловить Андрюшу или дать набегаться.

– Хочешь – лови, – говорю, – а я буду завтракать.

Потом два часа в зале ожидания. В туалете для инвалидов просторно, мы там переодеваемся в шорты и майки. Переодевание – это лайфхак от первой партии улетевших сибиряков. Мы летим второй партией. Переодевание в туалете для инвалидов – мой собственный лайфхак.

В майке и шортах Андрюша носится вокруг кресел в зале ожидания. Планшет выдаёт детские песенки, Андрюша под них скачет. Без остановки. Песенки меняются и перематываются им каждые 15-20 секунд, и одна музыкальная фраза может звучать по восемьдесят четыре раза. Нормально. Я привыкла.

– Мальчик, – обращается к Андрюше взрослый дяденька. – Мальчик, не прыгай.

Ага, сейчас.

Мальчик не обращает внимания на дяденьку – не больше, чем на мебель в зале ожидания. Хотя мебель интереснее: по ней можно полазить.

– Мальчик, перестань тут бегать, – повторяет дяденька.

Ага, сейчас. Сядет и ручки на коленочки сложит.

– Мальчик, ты мне мешаешь, перестань бегать, – повторяет занудный дяденька.

Встаю и подхожу к ним обоим.

– Он тут прыгает, мельтешит, а я две ночи не спал, – объясняет дяденька. – Может он успокоиться?

– Ребёнок с инвалидностью, – открываю козыри. – Ребёнок с аутизмом. Он не может успокоиться.

– Извините, пожалуйста, – говорит тут же изменившийся в лице дяденька.

Я беру Андрюшу на руки, вместе с планшетом, и сажусь на сиденье рядом с нашими рюкзаками, пакетами с куртками. Я чуть не плачу. Я бы ушла отсюда, но... столько пакетов, Андрюша, гаджеты заряжаются... Нашего папу где-то носит: то ли курит, то ли потерялся.

– Извините ещё раз, – подходит к нам дяденька и навсегда исчезает из виду. Пошёл спать в другое место.

3

В море мы торчим долго, нас оттуда не вытацишь бульдозером. Наш папа застрял где-то между лежаками: то ли курит, то ли так долго кремом мажется.

А мы так спешили к морю, что даже не прихватили нарукавники. Андрюша плавает на моих руках. Бегаёт на берег и обратно, смеётся, падает в тёплые волны, прыгает по смеси воды и песка, оставляемой волнами, хватает песок руками, бросает в море и снова бежит на глубину.

Мы все немного чокнулись от счастья. Полгода как из-за ковида закрыт бассейн, бассейн, которым Андрюша грезит. Он обожает плюхаться и почти научился плавать, когда всё это закрылось. Этим летом все дачники с детьми обзавелись бассейнами. Наш семейный легко вмещает четверых, но там не поныряешь, там по колено даже Андрюше. Теперь парень отрывается за все полгода.

Наплавались, вылезаем на берег попить. Песок горячий, воздух знойный, тяжёлый. Решили вернуться в отель, в бассейн.

В бассейне полно детей. Русских, украинских, турецких, английских. Всех выпустили, все счастливы. Вошкотня, у детей постарше – свои микрогруппировки. Девочка лет одиннадцати, лёжа на надувной ватрушке, важно рассказывает мальчишкам о «своих бывших». Мальчишки фыркают и стреляют друг в друга из водяных пушек.

Андрей в надувниках прыгает по бассейну, хохочет и машет руками. Брызгает на детей и мам. Заливисто смеётся. С ним пытаются играть другие дети, но он проходит сквозь них, как привидение.

«Почему он не разговаривает?» – спрашивает меня девочка, ровесница Андрюши.

Сначала теряюсь, потом говорю: «Все мы разные, кто-то хорошо говорит, кто-то похуже»...

Ему весело, но каждую секунду он сканирует бассейн, находит меня, после этого продолжает веселиться.

– Я купил хлеба, может, Андрей поест? – предлагает наш папа и протягивает белый турецкий батон. Это наш папа, он такой. Он, как яндекс, везде всё найдет, даже «купить батон в турецком отеле».

Вытаскиваю Андрюшу из бассейна, усаживаю в шезлонг и показываю батон. Он с радостью хватает его целиком и начинает откусывать и жевать. Я веселюсь и фотографирую его в трусах и с огромным батоном. «Налей сок», – просит он. Наливаем сок в стакан, Андрей привычно отрывает кусок батона, мочит в соке и тащит в рот. Десять минут – и ребёнок поел-попил. Счастлив и снова собирается в бассейн. Сначала веду его в туалет, потом надеваю ему вторые шорты. Страховка.

Андрюша не идёт в бассейн, его заинтересовала детская площадка. Забирается на горку, скатывается и потом, как всегда, пытается влезть по скату вверх. Игра такая. Четверть часа я наблюдаю, потом отхожу на скамеечку в пяти шагах. На площадке больше никого, кроме малыша с мамой и папой.

Через минуту слышу: «Мальчик! Мальчик, слышишь, я тебе говорю! Мальчик, ты толкнул моего сына. Мальчик, я тебе говорю».

Подхожу: никто не ушибся, не поцарапался и не ушибся. Андрюша хотел пройти сквозь ребёнка, но пришлось немного подвинуть его.

– Я пытаюсь привлечь его внимание и объяснить, что нельзя толкаться, – рассказывает мне мама ребёнка.

– У вас не получится привлечь его внимание, – разочаровываю я маму. – У ребёнка аутизм.

– Ой, извините, не знала, – начинает каяться мама. – Так с виду и не скажешь.

– Это точно, не скажешь, – примирительно заключаю я.

По ним и не скажешь. Красивые дети со спокойными лицами. Андрюша в младенчестве почти не кричал и спал у груди часами. Ему и сейчас ничего и никого не нужно, кроме мамы. Ну, и бассейна.

4

Вижу, как Андрей напряжённо замер, и мы экстренно ретируемся из бассейна. Страховка сработала. Пока это козья горошина, но это только начало Вечера имени Двадцати пар трусов. Он будет пачкать одну пару за другой, пока не истощится запас внутри Андрюши.

Ну, или нам очень повезёт и мы поймем тот идеальный момент, ради которого везли через пять тысяч километров большой горшок на полчемодана.

Приходим в номер, где я каждую секунду сканирую, не замер ли Андрюша, поджав булки. Воспитываю его, строго говоря, что не пойдём в бассейн, пока он не наполнит горшок.

Чудо случается минут через сорок. Идеальный момент пойман, Андрюша получает заслуженные аплодисменты, кучу поцелуев и обещание в ближайшие сутки посещать бассейн безлимитно.

Однако ужин уже скоро, пора приводить себя в порядок, мы меняем мокрые купальники на сухие шорты и майки, я сушу волосы. Закрыться в ванной Андрюша не даёт: с воплями требует предьявить мать, что она ещё в ванной, а не телепортировалась в Южную Америку.

И только гаджеты, ловкое жонглирование смартфоном и планшетом, отвлекают Андрюшу от ора перед ванной.

Гаджеты, гаджеты, как раньше без вас справлялись родители аутистов? Телевизорами? Как хорошо (сейчас закрыли глаза уши все дефектологи), когда есть гаджеты, интернет и мультики на ютубе. Андрюша не умеет писать, но он легко наберёт на всплывающей клавиатуре смартфона название нужного ему мультика, даже умеет использовать пробел. Он найдёт дома гаджет в любом месте, на самом высоком шкафу. Как? Может, он чувствует Wi-Fi? Может, он неспроста активнее шевелился в моём животе,

когда я перед сном клала на своё пузо планшет и читала интернет? Может, он правда чувствует эти поля?

И может, рост числа аутистов связан с увеличением числа этих гаджетов?

Это так? Да? Я правильно догадываюсь? Ответ на этот немой вопрос я уже четыре года пытаюсь разобрать в слуховой трубке, другим концом приставленной к Огромному Космосу...

5

Мы, сухие и весёлые, выходим из номера, но ужин только через полчаса.

Прогуляемся до речки? Там, по отзывам, живут черепашки.

Андрюша начинает возмущаться. Он не хочет черепашек, он хочет в бассейн.

Но мы уже переоделись, и нарукавников с собой нет. Пока я принимаю решение, Андрюша скидывает сандалии и носки и уже плещется в бассейне в шортах и футболке. Ему здорово и весело.

Ладно, думаю, это же всё для тебя. Пальмы, море, бассейн.

Сижу на краю бассейна на шезлонге, пасу ребёнка. Наш папа ушёл на ресепшн курить.

Андрюша плещется на мелководье, потом мелкими прыжками перемещается к ватерлинии, за которой его роста уже не хватает.

Сижу. Показываю ему рукой и говорю: иди обратно.

Смеётся и прыгает дальше.

Давай, думаю. Сейчас будем учиться плавать. Будем учиться, как надо бояться утонуть. У Андрюши нет страхов, кроме нуль-транспортировки мамы в Южную Америку.

Прыгает дальше и вот зависает в воде свечкой, таращит глаза, понимает, что дна нет, – и как позвать на помощь?

Я срываю босоножки и бросаюсь к нему, но за те доли секунды и в его глазах вижу настоящий ужас, и сама успеваю испугаться от этого взгляда. Вылавливаю его, а тут наперерез уже мчится покуривший наш папа. Сейчас мне влетит, что недосмотрела. Нет. Я досмотрела. И я надеюсь, что кое-чему Андрей научится.

Снова переодеваемся в сухое. Теперь можно и на ужин. Шведский стол в странном для нас формате «покажите, что вам положить». Спрашиваю Андрюшу: ты сок будешь? Ты хлебушек будешь? Он отказывается от всего и начинает визжать. Быстро показываю нашему папе, что мне взять на ужин, и веду Андрея за стол. Включаю гаджет.

Вечерний Wi-Fi в столовой – медленный и тупой. Слишком много раздачи. Андрюша психует, что мультики подвисают. К моменту, когда наш папа приносит ужин, Андрей уже выбрался из-за стола, бегаёт, топаёт ногами и кричит. «Андрей, перестань!» – окрикиваю его с оттенком «мама сердится». Хватает на полсекунды.

Пытаюсь побыстрее поесть, чтобы побыстрее увести его. По нашему времени уже глубокая ночь. Ребёнок устал. Прошу нашего папу найти ему записанные в гаджете мультики. Но Андрюша не хочет записанные мультики. Он требует именно ютуб, а тот тормозит.

Подходят к Андрюше терпеливые и весёлые турецкие официанты. Девушка-официант предлагает ему большой серебряный шарик с гелием.

Андрюша игнорирует и её, и шарик, и всех.

Истерика разрастается; в ресторане нет никого, кто ещё на нас осуждающе не посмотрел.

Я сдохну с голоду, если не поем. Мои 55 килограммов просто не прощают недопоставки калорий.

Беру Андрюшу на руки, глажу по щекам, целую в носик, шепчу «Ч-ч-чч» и напеваю песенку «...их мамы успокаивают: ч-ч-ч...», но песенка имеет обратный эффект. Андрей орёт и визжит почти ультразвуком. Он режет барабанные перепонки, как лазер. Весь ресторан уже уверен, что ребёнок ворованный.

Закинув в топку какое-то мясо, беру Андрюшу за руку и увожу орущее чудище подальше от отдыхающих. Это не мой отпуск, повторяю я себе.

Это не для меня всё.

На столе остаётся куча еды и вино в бокалах. Предполагалось в первый раз за весь день полноценно поесть, неторопливо и красиво поужинать на берегу вечернего моря...

Мы стремительно раздеваемся и укладываемся спать. Мы почти с рождения спим с Андрюшей вдвоём. Раньше спали втроём с нашим папой, потом выгнали его за громкий храп.

Андрюша устраивается поудобнее на мою руку, касается губами моей щеки и говорит: «Я люблю тебя». Он впервые сказал мне эту фразу в начале апреля, когда закрылись садики, дефектологи и спецзанятия. Когда мы оказались заперты на семидесяти метрах с гиперактивным Андрюшей.

Обнимаю его крепко и рассказываю сказку...

Далеко-далеко, в высоких горах, под самым небом живут аисты. Те самые, которые приносят детей. У них трудная работа, но очень интересная. Они берут мальчика или девочку и несут в семью. Но иногда их отдают и одиноким тётенькам, а иногда в большие дома, где уже есть много малышей, но нет родителей. Куда попадёт малыш, это решают бригадиры аистов.

Как-то раз к одному из бригадиров аистов пришёл ангел и принёс очередного малыша. Малыш был красивый, румяный, спокойный. Он не смотрел в глаза бригадиру аистов, и ангелу в глаза не смотрел. Он смотрел внутрь себя: так, будто никого и ничего вокруг не было.

– С ним что-то не так, – сказал бригадир аистов.

– Он чудесный мальчик, – объяснил ангел. – Он ласковый и любящий. Но с ним будет очень, очень трудно. У нас иногда получают такие малыши.

– Что же мне с ним делать? – спросил бригадир аистов.

– Аист, у меня к тебе просьба. – Ангел смотрел ласково и серьёзно. – Отнеси этого малыша в хорошую семью, где о нём позаботятся и не пожалеют для него ничего. Знаешь, таким людям, которые могут добиться всего, если только захотят. Ответственным, целеустремлённым. Сильным духом людям.

– Но такие люди думают, что у них могут быть только здоровые и сильные дети, – возразил аист. – Они присылают нам такие запросы.

– Это неважно, что они сейчас думают. Важно, что с ними жизнь у малыша будет намного лучше. Они сделают для него намного больше. Не загубят, понимаешь, аист?

– А они смогут сильно-сильно любить своего особенного малыша? Ведь он не такой, как они мечтали.

Ангел внимательно посмотрел на бригадира аистов и, улыбнувшись, сказал:

– Конечно, смогут. Они догадаются, что мы с тобой их специально выбрали.

Бригадир аистов достал толстую карту, листал её всю ночь, а наутро сам взял малыша и полетел с ним в Омск.

А звали этого малыша Андрюша.

Это так устроено? Да? Я правильно догадываюсь? Я пытаюсь услышать ответ на свой немой вопрос на другом конце слуховой трубки, приставленной к Огромному Космосу.

Ночь. Обнимаю своего крепко-крепко спящего сыночка. Во сне он необыкновенно нежный, как десертный творожок. Я люблю тебя, шепчу ему.

Я необыкновенно люблю тебя.